

Галина КАРПОВА

В КУЗБАССЕ РОЖДАЮТСЯ КЛАССИКИ

К 100-летию со дня рождения поэта
Василия Дмитриевича Фёдорова

Поэт Василий Фёдоров (1918–1984), лауреат двух Государственных премий: СССР (1979) и РСФСР (1968), ещё при жизни многими читателями и критиками был признан классиком советской литературы. О нём говорили как о «крупнейшем поэте наших дней, выдающемся мастере русского стиха» (Юрий Прокушев), называли «подлинно русским национальным поэтом» (Михаил Луконин), поэтом «самобытным. Очень русским, поэтому вбирающим в себя лучшее, созданное на вселенских путях-дорогах. Поэтом Божией милостью...» (Сергей Наровчатов).

11–19 октября 1988 года творческая бригада Кемеровской студии телевидения (режиссёр и оператор Ю. Я. Светлаков; автор сценария и ведущая Т. И. Махалова; звукорежиссёр В. Смирнов) в Москве сняла несколько интервью московских писателей на фоне Литературного института для телефильма «Я душу распахну – входи!..» о В. Д. Фёдорове. Приведём высказывания писателей-современников Василия Фёдорова, сделанные в 1988 году и опубликованные в книге Юрия Яковлевича Светлакова «Поэта надо издали любить...» (Кемерово, 2017).

Владимир Крупин, прозаик: «Я не был с ним на равных, и я просто счастлив тем, что он как-то всё-таки обратил на меня внимание, коснулся плеча. Я помню, он произнёс потрясающую (малоизвестную) пушкинскую речь в Колонном зале Дома союзов. Она была опубликована, но не имела широкого распространения. Были и противники у этой речи. Сидит он такой, опустив голову, а потом поднимает её... Он, конечно, был потрясающей красоты, ума и обаяния человек, и говорит: «А! Уеду я в свою Марьевку!» И мы до сих пор его вспоминаем, он мимоходом говорил, но всегда точно. А сейчас слушаешь какого-нибудь говорящего на трибуне и сразу вспоминаешь фёдоровское: «...и говорит он умно и глубоко, но странно видеть сытого пророка», или «...общенародного призванья пути заведомо длинны, поэт обязан быть в изгнании, хотя бы у собственной жены». Это вроде бы были шутки. Васи-

лия Фёдорова у нас не только не хватает, наша задача – расширить знания о Фёдорове. Это же огромный поэт, поэт уровня Кольцова, Рубцова, Есенина, Некрасова».

Егор Исаев, поэт: «Я против всех культов. Я за культ личности в каждом человеке. В нём было много народного, он весь народный человек. Слушайте, как он умел переживать! Как он умел чувствовать! Даже не умел, а чувствовал историю. Чувствовал историю народа как биографию человека. Понимаете, он – философ! Философ по натуре. О нём говоришь – и живёшь, такой он был неповторимый, такой сибирский».

Валентин Сорокин, поэт, ученик В. Д. Фёдорова: «Если я буду жив-здоров и перейду его рубеж, возраст его, мне так же его будет не хватать, как не хватать тебе в пути, в жизни твоей родного хутора, откуда ты родом, ладоней отцовских, края своего. Это есть родное, вечное, наше движение к тому, ради чего нас мать родит на этот свет, и ради чего состоится судьба наша. Потому что он весь из нас, из нашей жизни, из нашей земли. Он пришёл утвердить нас!»

Поэма Василия Фёдорова «Проданная Венера» (1956) потрясла многих советских читателей. Так ещё в советское время никто не писал. В 2014 году я услышала от известного кемеровского поэта Геннадия Юрова, какое ошеломляющее впечатление произвела на него поэма: «Я знал её наизусть, когда был студентом филфака Томского госуниверситета, как помещанный ходил под её воздействием». Действительно, одно описание деревенской красавицы Наташи Граевой в эпизоде купания, когда она заходит в воду, потрясает и сегодняшних читателей (чего стоят детали!).

*Но видел я,
Как стихли воды,
Когда она к реке прошла –
Фантазия!
Каприз природы!
Причуда света и тепла!
Она, омытая лучами,
Когда вода коснулась стоп,
Легонько повела плечами,
Как будто сбросила озноб.
Волна пред нею расступилась
И снова преградила путь...
Блестели плечи,
Золотилась
Её заносчивая грудь.
Там,
Над речною глубиною,
Произнесли мои уста
Ещё не троганное мною
Большое слово:
«Красота».*

Читатели 1960-х годов полюбили новые книги В. Д. Фёдорова: «Книгу любви» (1964), поэму «Седьмое небо» (1967). «Книга любви» при жизни поэта была издана трижды. В неё вошло известное стихотворение:

*Любовь мне –
Как блистание
Звезды над миром зла.
Любовь мне –
Как признание
На добрые дела.*

*Чтоб мир
Отмылся дочиста,
Душа тревогу бьёт.
Любовь мне –
Как пророчество,
Зовущее вперёд.*

*Любовь –
Как жажда истины,
Как право есть и пить.
Я, может быть,
Единственный,
Умеющий любить.*

Василий Фёдоров действительно умел любить и людей, и поэзию. В 1977 году на вопрос корреспондента газеты «Молодой сибиряк» (Новосибирск): «У вас много произведений о любви. Можно сказать, что это одна из главных тем вашего творчества?» – поэт ответил: «Главная тема – всегда жизнь. А это прежде всего жизнь людей, их работа, семья, счастье... А какое счастье без любви? И вообще, что такое счастье? Мы говорим о мире, об огромном нашем строительстве – ведь всё это для того, чтобы обеспечить человеческое счастье. Счастье и любовь – почти главное. Потому что человек, не познавший любовь, – бедняк. Надо, чтобы любовь появилась на земле. Если человек любит, он способен на большое трудолюбие, может совершить какой угодно подвиг. Не обязательно во имя любви, но любовь будет импульсом. Кстати, когда говорят «несчастливая любовь», я не верю. Любовь несчастливой не бывает. Какой бы она ни была, она счастливая. Она – Любовь».

У Василия Фёдорова всегда было много поклонников его поэзии при жизни, есть они и сейчас. Приведём несколько читательских откликов со страницы В. Д. Фёдорова на сайте «Стихи.ру» (модератор А. А. Кочетков). Анатолий: «Лет эдак 30–35 назад мне попался с оказией двухтомник В. Фёдорова. У меня, кроме Есенина и Пушкина, появился третий самый любимый поэт. Прочитал с удовольствием, некоторые (очень понравившиеся) стихи раза по три. Многие знаю на память до сих пор. Как-то в компании на спор

читал Фёдорова и Есенина полтора часа» (18 февраля 2012 года). Двухтомник вышел в 1970 году в издательстве «Художественная литература» тиражом 75 тысяч экземпляров. Алексей Кривенко: «В ранней юности отец дал мне в руки томик Василия Фёдорова, и до сих пор я под его гипнозом» (23 июля 2013 года).

Какие книги Василия Фёдорова нашёл 14-летний Андрей Земченков из села Котино Прокопьевского района Кемеровской области, нам неизвестно, но читатель XXI века, участник областного молодёжного конкурса, посвящённого 95-летию Фёдорова, в эссе написал: «Лично для меня Фёдоров – гений в своей области, крупнейший поэт нашего времени» (март 2013 года).

Приведём современную читательскую оценку одной из лауреатских поэм Василия Фёдорова «Седьмое небо». Михаил Силин, выпускник Качинского лётного училища (1974), заслуженный лётчик-испытатель России, в феврале 2013 года написал: «Я считал этого автора незнакомым для себя и с удивлением обнаружил, что многие его стихи слышал или читал, но имя автора абсолютно не отложилось в памяти. А вот «Седьмое небо» я, действительно, прочитал впервые. Сразу с началом чтения ассоциативно в памяти стали возникать картинки уже более чем 40-летней давности, именно на уровне эмоций я как бы опять пережил то давнее... такое близкое, знакомое... И пришло осознание, что «Седьмое небо» – это не профессиональное, а скорее, общечеловеческое понятие, такое как «любовь», может, где-то близкое по смыслу к словосочетанию «рай земной». Сразу стали всплывать в памяти образы Мастера и Маргариты Булгакова, где два героя в своих отношениях, в моём понимании, достигли этого самого состояния – «седьмого неба», но ценой каких усилий в борьбе с внешними обстоятельствами и в борьбе, проходившей внутри самих себя... Образы Юрия и Ларисы из «Доктора Живаго» Пастернака, где, казалось бы, «седьмое небо» было почти рядом, да так и не состоялось... Образ князя Мышкина Достоевского, который в поисках своего «седьмого неба» выглядел «идиотом» на фоне окружающего его мира». Подумать только, в какой контекст героев классической литературы поставлены герои фёдоровской поэмы Марьяна и Василий Горин!

Актуальны ли поэмы Фёдорова для сегодняшних читателей? Для меня – да! Подтверждением этому явились ответы кузбасских школьников и студентов на вопросы литературной викторины по поэме «Седьмое небо», проведённой в 2016 году. Вот какие слова сказали победители викторины 19 апреля 2016 года, в День памяти поэта. Егор Евсюков из пгт Яя, ученик 9-го класса школы № 2: «Сейчас, пока я стою перед вами, меня переполняют большие чувства. Прежде всего это чувство отчизнолюбия... При изучении и постижении русской литературы мы затрагиваем такие светила, как А. С. Пушкин. И, по моему мнению,

Фёдоров – это Пушкин Сибири. Потому что весь Русский Мир, все аспекты жизни раскрываются в творчестве Василия Дмитриевича». Андрей Кошкин, студент 2-го курса Тайгинского железнодорожного техникума: «Василий Дмитриевич своей поэмой раскрыл мне некоторые новые аспекты любви и дружбы. Хотелось бы сказать ему за это спасибо».

Соглашусь с мнением Валентина Хализева, что «автор, признанный современниками, – это лишь кандидат в классики. Классика призвана к тому, чтобы, находясь вне современности читателей, помогать им понять самих себя в широкой перспективе культурной жизни – как живущих в большом историческом времени». Пока после смерти «кузбасского Пушкина» (А. Г. Тулеев) прошла треть века. Сохранится ли интерес читающей публики к его поэзии на протяжении более длительного времени? Хочется надеяться на положительный ответ.

Как в Кузбассе рождаются писатели уровня классиков? Василий был девятым ребёнком в семье рабочего-каменщика, шахтёра. Всего было 11 детей. А если бы родилось только двое старших? Андрей был расстрелян в 1938 году. Пётр умер в 1935 году во время операции по удалению аппендицита. Профессиональным поэтом стал только девятый родившийся ребёнок.

Из кузбасских поэтов, членов Союза писателей СССР / России, Михаил Небогатов был рождён тринадцатым ребёнком, Дмитрий Клёстов – двенадцатым. 138
Вспомним, что сибиряк учёный-химик Дмитрий Менделеев родился в Тобольске семнадцатым ребёнком...

Родители Василия, Дмитрий Харитонович Фёдоров и Ульяна Наумовна Кириллова, познакомились в 1897 году на берегу реки Яи, где «на кладке каменного быка работал семнадцатилетний Митька-сирота из Марьевки».

*Мой отец совсем ещё подростком
Строить стал сибирскую дорогу.
Говорят,
Что строил образцово,
Строил так, что на дороге сына
До сих пор стоят мосты отцовы,
Презирая водные быстрины.*

(Стихотворение «Корни»)

Пятнадцатилетняя Ульяна носила отцу Науму воду из реки (для катки пимов воды нужно было много). «У неё было такое поношенное платьишко, что когда бежала к реке, то прихватывала рукой его левую сторону, а когда поднималась от реки – правую. В глазах Митьки эти манипуляции с платьем выглядели кокетством. Он стал приглядываться, и чем больше приглядывался, тем больше она ему нравилась» (из очерка В. Д. Фёдорова «О себе и близких»). Ульяна отвергла и

богатого жениха Тишку, и вдовца из Томска. В 1900 году молодые повенчались, предположительно в Яе (тогда село Жарковка), в Марьевке церкви не было. В Жарковке деревянную церковь преподобного Онуфрия Великого построили ещё в 1868 году.

Семья образовалась по любви, муж и жена были людьми неординарными. Из интервью В. Д. Фёдорова от 30 июля 1977 года корреспонденту новосибирской газеты «Молодой сибиряк»: «Я вырос в крестьянской семье, был девятым ребёнком. Родители – люди простые, неграмотные. Отца я почти не помню, он рано умер. Мама про него рассказывала с умилением и гордостью. Он был артистической натурой: любил лошадей, любил меняться [лошадьми], бороться, на кулаках драться, любил красивые слова. У мамы характер мягкий. Она была как-то душевно развита. Знала много народных песен, я потом их записывал. Обладала тонкой наблюдательностью – хорошо умела передавать движения людей, жесты».

*По воле,
По страсти,
По власти отца,
По кротости матери бедной
Достались мне
Крепкие руки бойца
И сердце
Сестры милосердной.*

(Стихотворение «Лицо века»)

«Мама росла бойкой, острой на слово, голосистой <...> у неё был хороший голос, знала много народных песен, в том числе свадебно-обрядовых, умела причитать по умершим». Из воспоминаний Василия Фёдорова: «Напевая свадебно-обрядовую песню, она, например, вставляла моё имя:

*По сенюшкам Авдотьюшка гуляла,
По новеньким Авдотьюшка ходила,
Из кармашика орешки челкала
И в оконушко шелушицу бросала,
В Васильевы кудри воспетляла,
Дмитричевы кудри воспетляла,
Чтобы, чтобы Васильюшка оглянулся
И своей красавице восмехнулся.*

(Очерк «О себе и близких»)

«Дмитрий Харитонович любил бороться, драться на кулачках, играть в карты и орла, но его самой главной страстью были лошади. <...> Оказывается, вдобавок к азартным играм, кулачным боям и увлечению лошадьми отец любил ещё и **красивые слова**. Зипун, и без того слово нерусское, он называл хламидой».

Из воспоминаний сестры поэта Зинаиды Алянчиковой (Фёдоровой): «В доме у нас никто не ругался, не

обзывался нехорошими словами. А от отца кое-кто из нас получил прозвища, я – Каштанка, Тоня – Цикуля, Таня – Губошлёп, Ваня – Пузырь от лампы, остальные остались без прозвищ. Никто у нас в семье не ругался, братики не курили и не устраивали гулянки». В атмосфере чистых слов рос будущий поэт.

Иногда бывали семейные ссоры, но без злобы друг на друга, без оскорблений: «Однажды, ускакав на лошади, отец вернулся грустным пешеходом. А утром надо было ехать ему по воду.

– Ульянка, а где коромысло? – робко спросил отец.

– Нет тебе коромысла, запрягайся сам.

Отец действительно взялся за оглобли.

– Разве так возят? – воскликнула мама.

Не успел бедняга сообразить, как на его шее оказался оставшийся от лошади хомут. Он, прямо в хомуте, – за ней, но она быстренько – на крыльцо, в сенцы – и дверь на защёлку. <...> ...при восьми детях были они ещё совсем молодыми».

По воспоминаниям Зинаиды Дмитриевны Алянчиковой, мама, «если она ругалась на кого-то, не употребляла общепринятых бранных слов, а называла Аспидом или Ванькой Каином». Семья Василия Фёдорова любила и ценила фольклорное и книжное чистое слово. Все дети рано приобщились не только к фольклору, но и к классической литературе.

Из воспоминаний сестры поэта Зинаиды: «Хотя семья наша была очень бедной, но в плане духовном и даже эстетическом наш быт и поведение не уступали нынешним городским семьям. Мы много читали и любили стихи, все поэмы Некрасова и многие стихи Пушкина я помню наизусть и сейчас, за что спасибо нашим учителям, они правильно нас учили».

Из интервью Василия Фёдорова от 30 июля 1977 года: «Я рано начал писать, ещё когда в школу не ходил. Стихи как-то сами приходили. В этом не было ничего удивительного: у нас каждый мог при случае что-нибудь сочинить. Брат Пётр был организатором и первым секретарём комсомольской ячейки. Стихи были его оружием. Писали все, но только мне довелось стать профессиональным поэтом». Первые стихи Василий Фёдоров слагал на марьевских лугах, возле речки Яи.

С детства Василий Фёдоров хорошо рисовал. В новелле «Мои метаморфозы» (цикл «Сны поэта») он упомянул о том, как свой рисунок Пушкина поставил на полку с иконами и отстоял его место в красном углу избы. Когда Ульяна Наумовна полезла на лавку, чтобы убрать портрет, крик сына остановил её: «Мама, это же Пушкин!».

В очерке «О себе и близких» Василий Фёдоров вспоминал: «Братьям же, Андрею и Петру, я обязан ранним знакомством с настоящей литературой: с Пушкиным, Лермонтовым, Байроном, Купером, Лонгфелло. Ставшие комсомольцами, а потом партийными

работниками, призванными в города, они торопились восполнить недостатки образования, особенно Пётр. Если в разговоре с ними какой-нибудь эрудит называл неизвестного им писателя, поэта, они по-крестьянски старались не подавать вида, что не знают их, зато в тот же вечер шли в библиотеку. В отпуск братья приезжали с тюками разнообразных книг, которые потом оседали в нашем доме».

Ульяна Наумовна не ругала сына за чрезмерное увлечение чтением и сочинительством. Поэт вспоминал: «Любили мы песни петь. Делали, допустим, капустные пельмени, а всё равно с песнями. Делали всей семьёй за большим столом. И это коллектив как-то сплывало. Сейчас уже прошло так много времени, но если говорить о маме, то самое большое было в ней – это понимание моего, допустим, увлечения. Я иногда просиживал ночами. Она меня не трогала, потому что потом я работал. А лампа, керосин, знаете ли, в те времена был очень дорогим. Его было трудно достать. И это она прощала. А для большой семьи жечь лампу... В деревне гас огонь быстро. Одним словом, я семье обязан просто как явлению, как социальной школе. Для меня была не просто семья, а для меня это была большая социальная школа, потому что круг интересов большой семьи был очень широк, и всё стекалось в семью. Каждый рассказывал по-своему свою историю».

Любимыми песнями в семье были: «Скакал казак через долину», «По серебряным волнам», «По Дону гуляет казак молодой», «Не вейтесь, чайки, над морем», «Густой неведомой тайгой» и много других. Ульяна Наумовна и её дочери Зинаида, Татьяна и Антонина любили петь на четыре голоса. Любили петь и сыновья, особенно Пётр и Василий.

С лета 1934 года Василий Фёдоров жил в Новосибирске, учился в Новосибирском машиностроительном техникуме, куда на два года раньше поступил его брат Иван. С января 1937 года техникум был переименован в Новосибирский авиационный техникум. В 1938 году Василию была присвоена квалификация «техник-технолог по кузнечно-прессовой специальности».

Во время учёбы в техникуме В. Д. Фёдоров дополнительно с 1936 года учился в лётной школе при Новосибирском аэроклубе, умел летать на учебном самолёте «По-2», студентом посещал литературный кружок. В 1937 году был участником театральной студии, исполнил роль Петра Мелузова в отрывке из пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники».

После окончания Новосибирского авиатехникума он был направлен на Иркутский авиационный завод имени Сталина. С июля 1938 года по март 1941 года проживал в городе Иркутске, в общежитии № 7 на улице Жданова (ныне Авиастроителей), дом 28, комната 19. Из воспоминаний друга юности поэта, художника Дениса Цветкова: в изголовье кровати была полочка с

книгами, на которой стояли стихи А. Блока и С. Надсона, однотомник Шиллера, однотомник Лермонтова, «Мартин Иден» Джека Лондона. О Джеке Лондоне он тогда сказал примерно так: «Вот это писатель! Ему веришь. И «Мартин Иден» великолепен. Жаль – конец не тот. Тут как-то по-другому надо бы!..»

Из воспоминаний Василия Стародумова: «Библиотечка у него была небольшая, состоявшая из любимых им авторов: Щипачёва, Гейне, Гёте. Особенно он любил Надсона, томик которого часто таскал с собой. Говаривал: «Неправ Маяковский, отзываясь о Надсоне пренебрежительно».

Заметим, что классика мировой художественной литературы, прочитанная в 1930-е годы, перечитывалась Фёдоровым позднее, в 1960–1970-е годы. В 1966 году Василий Фёдоров был в Кемерово на зональном семинаре молодых писателей Урала и Сибири, руководил одной из поэтических секций. Руководителями других были поэты Ярослав Смеляков и Марк Соболев. По воспоминаниям поэта Сергея Донбая, Фёдоров говорил с молодыми писателями о Гёте. Можно предположить, что он делился материалом, который позднее будет опубликован в его книге «Наше время такое: О поэтах и поэзии» (М.: Современник, 1973).

Одну из статей этой книги Фёдоров назвал «Перечитывая «Фауста»». В статье автор останавливается на двух моментах произведения: трагической линии Гомункула и вопросе, почему всемогущий Мефистофель у Гёте не может сам привести Париса и Елену, а вынужден послать за ними Фауста. «Из его [Мефистофеля] окружения он мог бы притащить на императорский бал пошлых красоток, но вызвать Елену и Париса у него нет сил. За подлинной красотой должен идти смертный, ищущий и страдающий, рождённый Матерью человек. Вот почему за Еленой и Парисом в подземные глубины пошёл Фауст. Какая грандиозная фантазия. Поняв её, начинаешь иронически смотреть на полемически-трагический гвоздь в сапоге Маяковского. Лично мне тайна этой фаустовской темы далась лишь после того, как была написана «Проданная Венера». Стихотворение Маяковского Фёдоров процитировал в начале своей статьи: «Когда-то мне нравились стихи Маяковского:

*Что мне до Фауста,
феерией ракет
скользящего с Мефистофелем в небесном паркетe!
Я знаю –
гвоздь в моём сапоге
кошмарней, чем фантазия у Гёте!*

Мне нравилось само преувеличение гвоздя в собственном сапоге, хотя уже тогда я понимал, что всё это сказано в полемическом азарте, чтобы подчер-

кнуть значение современности. К тому же в те времена было модным сбрасывать с корабля современности классиков. Сбрасывали Рафаэля, сбрасывали Пушкина и Толстого. Доставалось и Гёте. Теперь ясно, что азарт в литературной полемике – не самый мудрый наставник. Перечитывая «Фауста», я понял, что в данном случае выигрыш Маяковского был эмоциональный, временный, тактический, а не стратегический. Фантазия Гёте ныне представилась мне неповторимо глубокой, и не только в первой части поэмы, но и во второй».

Василий Фёдоров перечитывал и поэмы Владимира Маяковского. В 1977 году в одном из интервью он сказал: «Время от времени я чувствую потребность прийти к Маяковскому. Заглянуть в него, посмотреть... Меня не перестаёт удивлять его «Облако в штанах» в смысле интонации. «Алло! Кто говорит? Мама?» – и смотрите, как меняется: «Мама! Ваш сын прекрасно болен!..». Вот этот маленький момент – он требует специального изучения. Читаешь уже в который раз – и вдруг начинаешь замечать вот такие тонкости. Я очень люблю Есенина за его эмоциональность. Мартынова люблю...» (Фрагмент интервью газете «Молодость Сибири» от 30 июля 1977 года.)

Вдумчиво Василий Фёдоров перечитывал и «Дон Жуана» Байрона. Свидетельством тому являются многочисленные отсылки к книге Байрона в поэме Василия Фёдорова «Женитьба Дон-Жуана».

Внимательный читатель художественной литературы, Василий Фёдоров вдумчиво и основательно подходил к любому делу, в том числе и к работе самолётостроителя. Из воспоминаний Ивана Архиповича Кузнецова, журналиста заводской многотиражки и областной молодёжной газеты г. Иркутска в 1930-е годы: «Работал Василий Фёдоров в мастерской, которая находилась в стороне от цеховых корпусов. Он как-то выгодно отличался от других мастеров завода, зачуханных в конце месяца, особенно если «горел» план и директор завода лютовал. Конечно, дёргали и Фёдорова, но он с достоинством парировал насюки. Рабочие любили своего мастера. И пожилые, вдвое старше, относились к нему уважительно. «Дай Бог каждому такого мастера, как наш Василий Дмитриевич, – не раз слышал я, бывая в мастерской». Далее И. А. Кузнецов говорит об актёрском таланте поэта: «В заводском Доме культуры драматический кружок начал готовить спектакль по пьесе «Честь» Г. Мдивани. Нам с Денисом и тем, кто только пришёл в драмколлектив, поручили быть «массой» – то колхозниками, то пограничниками, Василию Фёдорову дали роль героя-пограничника Надира. Он быстро «стал артистом», изображал пограничника не хуже, чем ветераны кружка. В рецензии на этот спектакль я отметил, что В. Фёдоров неплохо сыграл роль Надира.

Вот и на следующем спектакле по пьесе К. Тренёва «Любовь Яровая» профессор Горностаев в исполнении Василия был великолепен. <...> В драмкружке лучше узнали Василия и ещё больше привязались к нему. Он так старался вникать во все указания режиссёра, словенно задумал бросить свою мастерскую и отдаться сцене. Мог долго перед зеркалом, пока свободен от репетиции, повторять жесты, отрабатывать мимику.

– В жестах что-то есть. Можно жестами мыслить.

Он был поглощён этой возможностью – мыслить.

Однако Василий чаще, чем другие, и выводил из себя режиссёра, когда не соглашался с ним и хотел играть по-своему.

– Так правдоподобнее, – настаивал он».

По воспоминаниям друзей юности В. Стародумова и Д. Цветкова, Василий Фёдоров любил не только чтение и театр: любил заниматься физкультурой, «был активнейшим комсомольцем, членом бюро Ленинского РК ВЛКСМ Иркутска. Агитатором, зачинателем многих комсомольских дел. Он хорошо ходил на лыжах, любил музыку, танцы, весёлые кинофильмы. Но больше всего Вася любил читать. Он знал на память множество стихов наших классиков, восхищался Чайльд Гарольдом Байрона и сам писал очень много <...> на одном дыхании, на случайных листках бумаги, коробках папирос, на полях газет. Даже стена в общежитии, где стояла его железная кровать, была испещрена рифмами».

С апреля 1941-го по август 1947 года Василий Фёдоров жил в Новосибирске (в 1940-м году туда переехала из Марьевки мама), работал на Новосибирском авиационном заводе № 153 им. Валерия Чкалова в цехе № 42 технологом, старшим мастером. Занимался в литературном объединении под руководством поэтессы Елизаветы Стюарт.

В 1944 году два стихотворения поэта были опубликованы в журнале «Сибирские огни» (кн. 4, с. 59). Девять стихотворений вошли в коллективный сборник «Родина» (Новосибирск, 1944), среди них знаменитое стихотворение «Прощай, село! Я сын твоих полей...» (ода родной Марьевке). В феврале 1947 года в Новосибирске была издана его первая поэтическая книга «Лирическая трилогия». Книга поэм «отличалась эмоциональной напряжённостью действия, склонностью к афористическим обобщениям, вниманием к современной проблематике» (В. А. Шошин).

В 1947 году Фёдоров был участником Первого Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве, «был хорошо принят семинаром Николая Асеева», встретился с А. Т. Твардовским, которому отдал для прочтения рукопись своей поэмы «Марьевская летопись». Осенью 1947 года по ходатайству Твардовского перевёлся с третьего курса заочного отделения на второй курс очного отделения Литературного института, поселился в общежитии, находившемся на первом эта-

же здания Литинститута (Москва, Тверской бульвар, д. 25). Бескорыстное служение поэзии заставило Василия Фёдорова оставить работу самолётостроителя и перейти на стезю профессионального литератора.

На занятиях очного отделения он познакомился с Ларисой Фёдоровной Быковой (1915–1994), ставшей впоследствии его женой. Летом 1948 года по пути в Горный Алтай, в творческую студенческую командировку, Василий и Лариса заехали в Новосибирск, где Лариса Фёдоровна познакомилась с мамой Василия Ульяной Наумовной и его близкими родственниками.

С детства у Василия Фёдорова формировалась впечатлительная душа, с детства в нём формировался поэт-мыслитель, философ, пытающийся понять «за-чем меня призвали, что должен я исполнить на земле».

Из очерка «О себе и близких»: «Однажды сестра Тоня повела меня к обрыву. И тогда я увидел всё озеро сразу. Единым взором я увидел всё, что лежало и поднималось до самого горизонта... В эту ночь я долго не мог уснуть – всё вспоминал, чем же был наполнен увиденный мною простор. <...> Помню, брат Андрей, приехавший в отпуск, повёл нас к озеру купаться. Он, заставив меня держаться за плечи, поплыл со мной на середину. Небо было синее в лёгких облачках, вода была тоже синяя и бездонная, как небо. И там в глубине, плыли такие же облака. А вода была тёплая и лёгкая, подобно тихому ветерку. И мне показалось, что плыли мы между двумя небесами – в бесконечности, и когда возвращались к берегу, он стал вроде бы совсем другим, каким-то сказочно-странным. И всё – чудо!..» Ребёнок вдруг увидел Божественную Красоту окружающего мира. Так формировался будущий большой поэт.

21 мая 1962 года Василий Фёдоров выступил в Политехническом музее в Москве. Здесь часто выступали «эстрадные» поэты: А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Рождественский. Василий Фёдоров стоял к ним в оппозиции, считал их формальные поиски трюкачеством ради трюкачества, литературщиной. В статье «Поэзия и эстрада», опубликованной в альманахе «День поэзии – 1964», Василий Фёдоров прояснил свою позицию: «Я хотел бы отделить понятие «эстрада» от понятия «трибуна». Для поэта нужна трибуна, та самая, которой пользовался Маяковский, чтобы пропагандировать высокую поэзию, свои взгляды. Эстрада же требует развлекательности, и поэт нередко становится пленником аудитории, которая хочет развлекаться. <...> Мы должны воспитывать серьёзное отношение к эстраде. Давайте приучать аудиторию к серьёзным стихам. Когда Блок выходил на трибуну, то он не делал никаких уступок слушателям, он их воспитывал».

В интервью во время работы Пятого Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве В. Д. Фёдоров сказал, что прежде всего «поэту надо заботиться

177

о чистоте своего внутреннего мира». Эта мысль была продолжена им в статье к 170-летию со дня рождения А. С. Пушкина: «Поэзия Пушкина с чувством свободы и независимости, с чувством достоинства и благородства легла в основу нашей нравственности. Его поэзия больше, чем стихи...».

6 июня 1969 года Василий Фёдоров выступил на Третьем Пушкинском празднике поэзии в Михайловском, а 6 июня 1974 года – с докладом «Наш Пушкин» в Кремлёвском дворце съездов на торжественном вечере, посвящённом 175-летию А. С. Пушкина: «Пушкин – величайшая духовная ценность нашего народа. Эта ценность нетленна для всех, кто любит поэзию, а поэзия не знает границ. Иначе и не может быть, потому что поэзия всего мира родилась из человеческого желания соединить в себе разрозненные вещи, явления природы, отдалённые понятия, незнакомых прежде людей, племена и народы». Этой высокой задаче старался служить поэт Василий Фёдоров.

В интервью В. Нарбуту, корреспонденту газеты «Вечерний Новосибирск», от 22 июля 1977 года на вопрос: «Кому в первую очередь адресуете вы свои произведения?» – Фёдоров ответил: «Я не признаю деление читателей по профессиям, роду занятий или, скажем, социальным группам. Для меня важна категория духовная, внутреннее состояние человека, склад его души. Я адресую стихи и профессору, и колхознику, если они духовно близки мне, я обращаюсь к единомышленникам. Или стараюсь сделать читателя своим единомышленником. Люди ищущие, проникнутые беспокойством о природе, заботой о чувстве достоинства, о гордости своей, о гражданских интересах – к ним обращены мои стихи».

Добрая, просветлённая, мудрая поэзия Василия Дмитриевича Фёдорова духовно близка мне, его читателю из XXI века. Надеюсь, что и читателям журнала тоже.

Василий Дмитриевич Фёдоров родился 23 февраля 1918 года по старому стилю в будущем городе Кемерово, на его левобережной части. На момент его рождения это была территория волостного села Усть-Искитимское (Щегловское) Кузнецкого уезда Томской губернии. 9 мая 1918 года на Первом (учредительном) Щегловском съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов было принято решение о создании города Щегловска. Однако формальное утверждение статуса города растянулось на семь лет: только 9 марта 1925 года город Щегловск получил свои законодательно оформленные границы и 6 июня 1925 года был утверждён ВЦИКом в списке городов Сибири. В конце 1928 года ВЦИК включил в городскую черту

железнодорожную станцию, химзавод, рудник и деревню Кемерово, а с 1932 года город был переименован в Кемерово.

В автобиографическом очерке «О себе и близких» (1972) В. Д. Фёдоров написал: «На первый случай поселились в Щегловке, в шахтёрском бараке, рассчитывая в будущем на выделенном участке поставить свой дом». Из воспоминаний сестры поэта Зинаиды: «Когда пришли белые, отец выехал в Кемерово, ехал он со старшими сыновьями на лошади, а мама с малыми ехала на поезде». Железнодорожная станция Анжерская была открыта в 1898 году. Железнодорожная станция Кемерово – в 1916 году.

В свидетельстве о рождении В. Д. Фёдорова ФИ № 466925, выданном 1 марта 1957 года Кемеровским городским ЗАГСом, есть следующая запись: «Гр. Фёдоров Василий Дмитриевич родился 23.II.1918 г. (двадцать третьего февраля тысяча девятьсот восемнадцатого года). Место рождения ребёнка: Кемерово, Кемеровская область, РСФСР, о чём в книге записей актов гражданского состояния о рождении 1918 года февраля месяца 28 числа произведена соответствующая запись за № 56» (из фондов Марьевского литературно-мемориального музея). В свидетельстве о рождении указана национальность родителей: Фёдоров Дмитрий Харитонович – русский; Фёдорова Ульяна Наумовна – русская.

По записи в метрической книге Николаевской церкви села Усть-Искитимское за 1918 год, родители Василия Дмитриевича Фёдорова – «гражд. Дмитрий Харитонов Фёдоров, законная жена его Иулиания Наумова, оба православные», были уроженцами «Томской губернии Томского уезда Сужденской [правильно Судженской] волости деревни Марьевка» (фонд Государственного архива Кемеровской области. ОДФ-60).

Детство и юность поэта прошли в деревне Марьевка (с 1943 года в составе Яйского района Кемеровской области). На сибирских просторах земли Кузнецкой в XX веке вырос писатель классического уровня, наш земляк.

Певец России и Сибири, всей душой болеющий за судьбу Отчизны, Василий Дмитриевич Фёдоров талантливо запечатлел национальную жизнь и трагедии XX века в лучших своих поэмах («Проданная Венера», «Седьмое небо», «Женитьба Дон-Жуана») и известных стихотворениях, таких как «С тобой, Россия!», «Совість», «Сердца», «На родине моей...», «По главной сути...» и многих других. Родник его поэзии – это настоящее, чистое русское Слово. Светлое слово Василия Фёдорова продолжает жить...

г. Кемерово

